

Е.Ю. Зубарева

Сказка «Медведь на воеводстве»

Сказка «Медведь на воеводстве» (1884) содержит в себе сатиру на административные принципы самодержавно-бюрократической власти. Щедрин продолжает тему, которая рассматривалась им ранее в цикле «Помпадурсы и помпадурши» и в «Истории одного города». Прием уподобления человека медведю Щедрин использовал в рассказе «Деревенская тишь» (1863), герой которого во сне представляет себя медведем и испытывает удовлетворение, ощутив свое физическое превосходство над раздражавшим его слугой Ванькой.

Задача автора в этой сказке заключалась в сатирическом осмеянии разных типов представителей власти, злодейства которых он изображает.

Деятельность Топтыгина I, направленная на усмирение «внутренних врагов», осуществлялась под знаменем «кровопролитиев». Тупое стремление истребить все на своем пути, чтобы «попасть на скрижали Истории», не просто осуждается Щедриным. Он показывает не только жестокость и бессмысленность действий Топтыгина I, но и противостественность его существования. Все живое в лесу ополчается против медведя из-за съеденного чижики. Ирония из средства иносказания превращается в композиционный прием. Противопоставление произносимого (написанного) и подразумеваемого создает в I части сказки эффект двуплановости повествования.

Внешне беспристрастный повествователь сначала лишь фиксирует факты жизни лесного мира. Осуждение «лесной вольницы», описание пьяного медведя сменяются эмоционально окрашенным рассуждением о роковой ошибке Топтыгина I. Повествователь как бы выражает сочувствие медведю («Увы! Не знал, видно, Топтыгин, что в сфере административной деятельности первая ошибка и есть сама фатальная»). Но за всем этим скрыта авторская ирония. Беспомощность «специалиста» по «кровопролитиям», гонящегося за скворцом, изображается сатирически. Не случайно лесные жители появляются в этом эпизоде в определенном порядке: к скворцу присоединяется ворона, затем заяц (не отличающийся смелостью), а потом и вовсе комар. Но ирония автора состоит в том, что звери осуждают Топтыгина не за убийство чижики, а за неумение организовать «кровопролитие», которого «добрые люди... от него ждали».

Мнимое сочувствие позволяет автору открыто использовать бранные слова в адрес медведя (как представителя власти), которые вкладываются в уста «неразумных» лесных жителей: «чурбан» (чижик), «скотина» (ворона), «бурбон стоеросовый» (заинька). Постепенно повествование приобретает все более субъективный характер, несобственно-прямая и прямая речь Топтыгина I вытесняет авторскую речь. Одновременно становится все более понятным сатирический подтекст, открыто прорывающийся в авторской речи к концу I части (после описания бессмысленности поступка медведя) во фразе «Сделав все это, сел, сукин сын, на корточки и ждет поощрения». Но автор тут же стремится смягчить столь «резкое» высказывание сообщением, что Лев медведя не наградил. Однако и здесь находится место для иронического суждения. Причина увольнения Топтыгина I заключалась лишь в том, что, по мнению Льва, съевший чижику «офицер» храбр быть не может, а потому, вероятно, для последующих «кровопролитиев» не годится.

Топтыгин II идет другим путем. Понимая важность первого шага, он долго выбирал сферу приложения сил. Однако и ему не повезло — попал на рогатину.

Топтыгин III, приняв во внимание печальный опыт предшественников, искал наиболее безопасный род деятельности, пока не постиг наконец «теорию неблагополучного благополучия». Результатом стала тактика бездействия, которая предполагала проявление

жизненной активности лишь при необходимости «получения присвоенного содержания» и еды.

Изображая разные типы правителей, Щедрин показывает, что в лесу при них ничего не менялось: «И днем и ночью он гремел миллионами голосов, из которых одни представляли агонизирующий вопль, другие — победный клик». Тем самым писатель подчеркивает, что дело не только в личных качествах представителя власти, но в большей мере в самом устройстве самодержавно-бюрократической системы.